

Памяти В. Ф. Коммиссаржевской.

ЖАРЬ-ПТИЦА.

Спускается ночь надь безмолвной могилой
И ангелъ слетаетъ съ небесъ чернокрылый
Груститъ у знакомой гробницы...
И шепчетъ задумчивый, полонъ печали,
О томъ какъ въ далекомъ краю отзвучали
Послѣднія пѣсни Жарь-птицы!

Жарь-птицы, какъ будто-бы въ сказкѣ рож-
денной
И въ солнце, и въ звѣзды, и въ счастье
влюбленной,

И раненой властной рукою...
Жарь-птицы, сложившя усталыя крылья
Съ покорной, безропотной мукой безсилья
И съ трепетно-жгучей тоскою!

И взяли къ себѣ ее свѣтлыя дали,
Гдѣ часто надъ нею, мятежной, мерцали
Родныя ей сестры—зарницы...
Но какою ночью у скорбной могилы,
Склоняясь, ангелъ поетъ чернокрылый
Прощальныя пѣсни Жарь-птицы!

Е. Руссагъ.

И въ могилу опустили
Со слезами, со слезами.
Изъ тени Офелии.
Шекспиръ. «Гамлетъ».

Десятое Февраля—день смерти незабвенной артистки Вѣры Федоровны Коммиссаржевской—будетъ еще долго памятно петербургскимъ театрамъ, какъ долго не забудутъ они ея торжественныхъ похоронъ на кладбищѣ Александровско-Невскоѣ лавры, траурной процессіи по улицамъ столицы, какъ не забудутъ похоронъ Тургенева, Достоевскаго, Рубинштейна и др. корифеевъ литературы и искусства.

Десятое Февраля—день скорби поклонниковъ Коммиссаржевской. Въ этотъ день блеснетъ

не одна слеза за панихидой, за рѣчами въ ея воспоминаніе въ Новомъ драматическомъ театрѣ, тѣсно связанномъ въ исторіи его жизни съ именемъ безвременно угасшей Вѣры Федоровны.

Десятое Февраля будетъ отмѣчено и въ исторіи русскаго театра, потерявшего въ этотъ роковой для него день одну изъ лучшихъ русскихъ артистокъ, лучшую изобразительницу героинь Гоголя, Грибоедова, Островскаго, гр. Л. Н. Толстого, А. Потѣхина, Шпагинскаго, Ан. Чехова, Потапенко, кн. Сумбатова, Трахтенберга, Зудермана, Ибсена, Шницлера и др. выдающихся драматурговъ.

«Вотъ въ чемъ,—по словамъ Тургенева («Стих. въ прозѣ»),—заключается, открытая тайна жизни, любви, вотъ въ чемъ заключается безсмертіе. Другого безсмертія нѣтъ и... не надо!»

Старые и молодые театралы помнятъ, конечно, какъ тепло, жизненно, симпатично, виртуозно изображала Коммиссаржевская любимыхъ ею героинь драмъ Ант. Чехова. Она такъ любила играть въ его «Чайкѣ» (роль Нины Зарѣчной), она такъ выразительно, съ такимъ драматизмомъ произносила фразу «чайки»: «Если тебѣ понадобится моя жизнь, приди и возьми ее», что когда не стало въ живыхъ Вѣры Федоровны, всѣ чуть ли не единогласно устно и печатно, въ прозѣ и стихахъ, заговорили объ артисткѣ-чайкѣ, безжалостно похищенной смертью.

Ей, безжалостной смерти, вдругъ понадобилась жизнь Коммиссаржевской—гордости русскаго театра, оцѣненной и за океаномъ (въ Америкѣ), и черная смерть (въ видѣ черной Россы) пришла и навсегда взяла смертную «чайку».

Коммиссаржевской нѣтъ, но живы образы

ею созданные. Она жива въ памяти артистовъ, драматурговъ, въ особенности тѣхъ; которые создавали для нея роли (Трахтенбергъ, Потапенко). Ея никогда не забудутъ видѣвшія ее на сценѣ. Ея Нора, Роза, Офелия, безприданница (Островскаго) чайка (Чехова), героиня «Вѣчной сказки» и др. еще свѣжи въ нашей памяти!

Она умерла. Но закройте глаза на одну минуту, вспомните имя Коммиссаржевской—и она передъ вами!

Вы не могли ее забыть—ея глаза, ея фигуру, ея жесты, походку... Вы еще помните мелодію ея голоса, его надрывъ, его слезу, богатство его интонацій, его способность одинаково жизненно передавать безконечную радость и безысходное горе, сердечную любовь и сильную ненависть, нѣжную ласку матери (Нора) и нѣжныя объятія любящей дѣвушки (безприданница, Роза, чайка) и женщины.

«Бываютъ минуты,—утверждалъ Герценъ,—когда испытываешь пламенное желаніе имѣть друга, пожать руку, вызвать слезу, такъ много есть, что сказать!»

Такія минуты будутъ переживать сегодня всѣ поклонницы и поклонники таланта В. Ф. Коммиссаржевской, ея родные, ея товарищи по сценѣ, писатели, артисты, ея друзья, вспоминая ея сценическій художественный трудъ, ея частную жизнь, ея болѣзнь, ея раннюю смерть...

Уваженіемъ къ артисткѣ, преклоненіемъ передъ ея безграничной любовью къ сценическому искусству и литературѣ, ея любовью къ человѣку всегда будетъ, какъ флеромъ надъ ея портретомъ, покрыто имя В. Ф. Коммиссаржевской.

Ее любили. Плакали и плачутъ, оплакивая ея потерю... Невольно вспоминаются стихи К. Р.:

Смерть и время царятъ на землѣ—
Ты владыками ихъ не зови!
Все, кружась, исчезаетъ во мглѣ,
Неподвижно лишь солнце любви.

Н. Россовскій.